

Глава 8. Молодёжь, что спускается на землю

Когда Хэ Сючжу и Цзи Таоюй вернулись домой, Линь Цзюнда сразу настучал на племянника.

После почти часа “бурных дебатов” — где основные “удары” наносили бабушка и тётя, а дядя помогал им с фланга — Линь Сяньюй, наконец, сумел убедить семейный совет и получить право жить отдельно.

Линь Цзюнда был так зол, что даже схватился за водяную трубку для курения. Стоило затянуться — как старший племянник чихнул, жена сверкнула на него глазами, и он, кипя от негодования, утащил свою трубку во двор.

Цзи Таоюй взяла Линь Сяньюя за руку и серьёзно сказала:

— А-Юй, раз уж ты решил жить отдельно — мы тебя не удержим. Но ты должен приходить хотя бы раз в два дня, понял? Ты не представляешь, как бабушка радуется, когда ты приходишь. Нельзя, чтобы ты пропал надолго.

Внук упрям, но раз решил — Хэ Сючжу тоже не стала спорить:

— Слушай тётю. Даже если не приедешь, звони бабушке, понял?

Линь Сяньюй ответил, впервые чуть по-детски:

— Бабушка, тётя, не волнуйтесь. Мне ведь всего десять минут идти, может, и каждый день буду забегать. Главное — потом не жалуйтесь, что я слишком часто появляюсь.

Эти слова рассмешили обеих. А потом он, прихватив табурет, подсел к дяде и долго что-то шептал, клянясь и обещая всякое — пока тот наконец не остыл.

Когда Линь Сяньюй, катя чемодан, вышел за ворота, Шэн Е уже едва не заснул, дожидаясь его.

— Закончил собираться? Тогда поехали.

Линь Сяньюй впервые почувствовал себя неловко и даже чуть поспешно спросил:

— Ты... почему не ушёл?

— Недолго ждал, — ответил Шэн Е, забирая чемодан. — Поехали.

Каменные улицы маленького городка были неровные, и каждый раз, когда мотоцикл пересекал стык плит, раздавался сухой “кляк” — особенно отчётливо в тишине ночи. Линь Сяньюй, сидя сзади, держался за край его рубашки и тихо считал, сколько плит они уже проехали.

Раньше он и не замечал: каждая плита звучала по-разному. Удивительно.

Он так заслушался, что не заметил, как они приехали. Шэн Е остановил мотоцикл прямо во дворе — оставалось лишь подняться по лестнице.

Он помог донести чемодан до двери комнаты и спросил:

— Утром пойдёшь на стройку? Если да — я заеду за тобой.

Линь Сяньюй внутренне застонал. Они вставали ужасно рано, а ему так хотелось спать.

После долгих колебаний он всё-таки кивнул:

— Ладно. Только я сам поставлю будильник, не утруждайся.

Так закончился длинный день. После душа он сел у окна сушить волосы — и случайно посмотрел в соседнее окно. Шторы там были открыты, и видно было, как Шэн Е, в майке, говорит по телефону.

Линь Сяньюй подпёр подбородок рукой, взглядом обвёл рельеф мышц на его руках, потом машинально посмотрел на свои — и, почувствовав укол зависти, резко дёрнул шторы, заслоняя встречный взгляд.

Наутро он проснулся раньше будильника. Натянув одеяло на голову, вдруг понял первый минус жизни в этом месте.

Ресторан открывался очень рано. Звуков он почти не слышал — звукоизоляция была отличная, — но запахи... Запахи проникали в комнату без стеснения. И пахло так вкусно, что он проснулся от голода.

К счастью, как раз зазвонил телефон. Голос Шэн Е звучал бодро:

— Утром — кастрюлька рисовой лапши. Через десять минут спускайся — как раз будет готова.

И впервые за всё это время аппетит победил сон. Линь Сяньюй вскочил с кровати быстрее, чем успел сообразить.

Сегодня Линь Сяньюй был добросовестным работником: видя, как Шэн Е с ребятами передвигаются по крыше и снимают черепицу, он сам полез наверх и проработал там целый час, прежде чем, устав, спустился и шлёпнулся в шезлонг — спина от долгого наклона разболелась.

Раз делать тяжёлую работу он уже не мог, выходить куда-то тоже не хотелось, он достал телефон и стал смотреть мебель. Кровать точно нужно менять, хотелось бы ещё кресло-лежак и проектор, да и для гостиной кое-что прикупить — остальное можно подбирать постепенно.

Климат у них здесь приятный: даже в самые жаркие дни температура редко поднимается выше тридцати, поэтому кондиционеры почти не нужны. Но и он, и бабушка мерзли, так что в итоге он решил всё-таки поставить по кондиционеру в каждой спальне.

В полдень он снова наведлся к Чжоу Мао.

— Дядя Чжоу, можно сначала починить стену вокруг двора и внутренний дворик? Пока тепло, я хочу посадить там цветы.

— Ладно, — кивнул Чжоу Мао. — Начнём с дворика. Ещё какие пожелания?

— Если можно, сначала расчистите одну из боковых комнат — я уже купил немного мебели, хочу вынести оттуда вещи, чтобы они чуть-чуть проветрились.

— Хорошо.

Ребята Чжоу работали быстро: через пару дней сделали то, что он просил, и уже начали гидроизоляцию и замену черепицы.

Линь Сяньюй всё-таки не выдержал — вставать в шесть тридцать каждый день оказалось выше его сил. Как раз в эти дни у Шэна были дела на пастбище, и он полностью отдался отдыху: даже завтрак стал пропускать, а к полудню прогуливался до дома дяди, вкусно кушал и бездельничал целый день — блаженство.

Хэ Сючжу, увидев, как он после еды плюхается на место, решила взять его с собой на прогулку-зарядку:

— А-Юй, пойдём, бабушка отведёт тебя собирать каштаны. Сейчас ещё молодые, когда ты был маленький, ты так их любил.

Он взглянул на седые волосы бабушки и на себя и робко спросил:

— Бабушка, я помню, каштановая роща у дяди на том поле на горке... там придётся

подниматься в гору. Может, ты не ходи?

Ей уже семьдесят пять, и он волновался, что она может поскользнуться, не то что лезть в гору.

— Пустяки это, моргнешь — и я уже наверху, — отмахнулась она. — Пойдём-ка, не будешь же целыми днями сидеть без дела.

Он ещё пытался увильнуть:

— Бабушка, я сам могу, посиди дома, я сам схожу.

— Как ты без меня найдёшь? А если случайно сунешься на чужой участок? Давай скорее, переобуйся в дядины ботинки — я принесу корзину и серп.

В конце концов он надел резиновые ботинки и соломенную шляпу, закинул на плечо корзину с серпом и фляжкой воды — прямо как сельский парень, и пошёл в поле.

Пока шли по ровной местности, он ещё не чувствовал утомления, но как только начался подъём, понял, что с его физической формой дела плохи. Сначала шли рядом, держась за руки, а к середине пути бабушка уже лихо шла будто по ровной дорожке, а у него дыхание стало учащённым, ноги то и дело подкашивались. Если бы не специальная обувь, он бы, пожалуй, налетел на землю.

К счастью, силы не подвели, и они благополучно добрались до кукурузного поля у дяди.

У дяди Линя два прилегающих участка, а каштановые деревья росли на нижнем. Деревья старые, но невысокие — стоя на гребне верхнего участка, можно было рукой дотянуться до ветвей.

До середины осени ещё далеко, и шипованные коробочки каштанов были в основном зелёными — одни такими же маленькими, как сливы, другие уже почти размером с кулак, с плотной, сочной мякотью.

Когда бабушка собралась сама рвать, он её остановил:

— Бабушка, я справлюсь! — уверенно сказал он.

Чтобы не было проблем с удержанием, он даже взял серп в руки; бабушка, не упрямившись, согласилась пока лишь давать указания.

Сначала он пытался срезать ветки серпом, но скоро понял, что это бесполезно: быстрее было

просто отломать веточку, вместе с шариком каштанов, — так и быстрее и руками не колешься.

Листья на каштановых деревьях были густые, Линь Сяньюй раздвигал их, вглядываясь во все стороны, и вдруг заметил огромный зелёный шар. Глаза сразу засверкали — он потянулся рукой, и в следующую секунду макушка встретила с каштановым ёжиком.

— Ай... — зашипел он, — вот уж действительно колется... Хорошо хоть, волосы густые.

Пока он возился с ветками, бабушка Хэ Сючжу уже успела сорвать две тыквы:

— А-Юй, сегодня вечером дома поедем пареную тыкву.

— Хорошо, бабушка! — откликнулся он.

Не желая набрать слишком много, он вскоре перестал собирать каштаны, сложил всё вместе с тыквами в корзину, и они неторопливо пошли домой.

На обратной дороге встретили родственницу. Хэ Сючжу издали уже радостно заголосила:

— А-Юй, это твоя вторая бабушка! Раньше её дом стоял прямо за нашим старым. Ты в детстве у неё бывал.

Линь Сяньюй совершенно не помнил, но послушно поздоровался:

— Здравствуйте, бабушка, как-нибудь заходите к нам.

— Конечно, конечно, приду через пару дней! — засмеялась та и тут же спросила Хэ Сючжу:

— Ой, а у твоего второго-то внука уже такой взрослый сын! Женился, что ли?

Хэ Сючжу вопрос этот очень интересовал. Она не из тех, кто давит постоянно, но всё равно при каждом звонке спрашивала. А тут попали в самое сердце:

— Да где там... Каждый день твержу ему, а он всё не слушает. Пусть уж сам решает.

Линь Сяньюй благоразумно отошёл на шаг — стоило ему промолчать, и бабушка наверняка забудет дальше приставать.

Когда две старушки наконец наговорились, он быстро перебил:

— Бабушка, а что у нас, кроме тыквы, будет на ужин?

Как он и рассчитывал, бабушка сразу переключилась:

— Что хочешь, то и приготовим. Дядя вчера только разрезал окорок — вечером можно поджарить. А в городке есть лавка с отличными холодными закусками, купим там немного.

— Отлично! Пошли прямо сейчас, а то вдруг всё раскупят.

В итоге, кроме закусок, он ещё купил фунт маринованных куриных лапок — кисленьких и острых, любимых всей семьёй.

Когда они вернулись, дядя с тётей были ещё на работе. Только их большой золотистый пёс поднял голову, гавкнул один раз и снова улёгся.

— Бабушка, а как эти каштаны чистить? — спросил он.

Хэ Сючжу велела высыпать всё на двор:

— Руками не трогай, уколешься. Сейчас принесу перчатки, щипцы и доску — будем раскатывать.

Через пять минут Линь Сяньюй уже был «в полной боевой готовности», сидел во дворе и скоблил каштаны: катал их по доске, чтобы смягчить колючки, потом раскалывал камнем и очищал руками.

Он делал это впервые и долго не мог справиться даже с одним, тогда как бабушка на противоположной стороне уже ловко «щёлк-щёлк» раскрыла целую миску — нежно-зелёные каштаны почти заполнили дно.

Наконец ему удалось открыть первый — от усердия он даже расколол его пополам, и сквозь трещину блеснула бледно-зелёная сердцевина.

Он не стал церемониться, очистил кожуру и сразу попробовал. Молодой каштан оказался совсем не таким, как зрелый: скорее напоминал фрукт — сочный, чуть сладковатый, с едва заметным хрустом.

Съел несколько подряд и только потом снова надел перчатки, продолжив чистку.

Он так сосредоточился, что не заметил, как две острые иглы воткнулись в ладонь. За ужином рука заныла, и он лишь тогда заметил покраснение.

Вечером, вернувшись в гостевой дом, первое, что он сделал, — пошёл искать иголку. Только он получил у мамы Шэна швейный набор, как вернулся сам Шэн Е.

— Зачем тебе иголка? — спросил он, нахмурившись.

<http://bllate.org/book/14680/1308466>